МЕДИАТУР В АЛМАЛЫК НА АГМК

Будний день. Шесть утра. Автобус с ташкентскими журналистами отправляется в Алмалык. Цель медиатура, инициированного Госкомитетом Республики Узбекистан по охране природы, – познакомить СМИ с экологическими аспектами деятельности ОАО «Алмалыкский горно-металлургический комбинат». Производство – одно из крупнейших в стране. Его предприятия находятся на территории четырёх областей. Добывая руду, выплавляя металл, как снижают экориски?

Кальмакырские просторы

Рудник Кальмакыр вытянут, словно эллипс, среди предгорий Кураминского хребта. Длину и ширину его считают в километрах, а с верхней отметки до дна – метров пятьсот. Мы с коллегами-журналистами рассматриваем гигантский котлован с обзорной площадки. От него отделяют жёлто-красные осенние цветы и крутой склон, заросший травой и кустарником, подрезанный железнодорожной колеёй и автодорогой. А ниже, справа и слева… Замираем перед панорамой разреза, разлинованного строчками дорог, прикрытого пыльной кисеёй, с озерцом и ручьями на самом дне.

Про озерцо и ручьи специалисты рудоуправления «Кальмакыр» говорят, что выклинивающие карьерные воды – головная боль, ведь они мешают производству. До 2005 года их сбрасывали в Алмалыксай, и за загрязнение горной речки горняки расплачивались экологическими платежами. Но в 2005-м установили у «лужи» четыре мощных насоса, протянули водовод до горно-обогатительной фабрики и решили не только производственные, но и экологические проблемы: рудник перестал загрязнять Алмалыксай, а фабрика – брать воду для фабрики из открытых источников. В обоих случаях комбинат и окружающая среда оказались в выигрыше.

Мы смотрим, как движутся по путям, проложенным по верхним бортам карьера,

самосвальные вагоны–думпкары, и думаем о том, какой выигрыш для страны от обладания медесодержащими рудами. Они добываются здесь, на Кальмакыре, и километрах в двадцати на руднике Сары-Чеку. Содержат десятки рудных минералов. Судя по находкам археологов, горные разработки в этих краях велись еще в IX — XII веках. Рудокопы добывали медь, серебро, железо, цинк, золото.

По их «следам» геологоразведка велась в XIX веке. А открыл ряд месторождений в Кураминском горном узле Борис Наследов в двадцатые годы прошлого столетия. Репрессирован в тридцатые, как тогда часто случалось с заметными личностями. Памятник ему стоит у управления комбинатом. Мы его видели в Алмалыке, и там узнали о первопроходцах.

Весь день будем узнавать. Вот едет по одной из дорог странная машина. У привычных поливалок вода льётся спереди, а эта фонтанирует сзади. Дефект? Напротив. Так смачиваются все дороги карьера – не асфальт ведь и пыли много. Она образуется при взрывных работах, при погрузке массы в экскаваторы, при движении большегрузных самосвалов, везущих породу с самых нижних горизонтов. В кузовах – от 30 до 130 тонн. Чтобы заполнить автотранспорт, а на верхних горизонтах – думпкары, крутятся круглосуточно 34 экскаватора и 21 бурильный станок. «За год добываем, – говорит главный инженер рудника Валентин Ярошевич, — 30 млн.тонн медесодержащей руды и 24 млн.тонн вскрыши».

Вскрышные породы не выбрасываются, а складируются и рассматриваются в перспективе как сырье. Они — с меньшим содержанием цветных металлов, чем добываемая руда, но и их час придет. Для некоторых – совсем скоро. В ближайшие три года реализуется проект по вовлечению в переработку забалансовых руд производительностью четыре миллиона тонн в год.

Много их накопилось с 1954-го, когда началась отработка месторождения. Сколько руды осталось? Оруденение прослеживается на глубину до 850 метров. Вглубь еще копать и копать. То, что выкопано, оправляется на горно-обогатительную фабрику, а потом на медеплавильный завод. Такой же путь и у руды с Сары-Чеку. Их общие запасы по меди переваливают далеко за шесть миллионов тонн. Есть и резерв — примыкающее к Кальмакыру месторождение Дальний, в котором геологических запасов поболее. Так что руды и забалансовых руд хватит для извлечения цветных металлов ещё лет на восемьдесят.

Тысяча человек в четыре смены, без выходных и праздников, трудятся в рудоуправлении «Кальмакыр». Мы, журналисты, здесь и сейчас чувствуем свою сопричастность к людям, извлекающим богатства недр. На нас надеты спецовки и каски. Под нами – руда, и, может быть, даже с золотом и серебром. Эти металлы, объясняют, «сквозные», встречаются на рудном поле везде. Но мы с ними на АГМК не встретимся. Просто невозможно за день всё увидеть и узнать, поэтому сконцентрируемся на меди. Именно её производство вызывает немало нареканий.

Вредная печь

От карьера до города всего пара километров. Далее путь пролегает к медеплавильному заводу комбината. Параллельно нашему маршруту курсируют полтораста пар поездов, один из которых как раз въезжает в промзону.

«Мы можем сделать остановку? Уж больно вид с горки хорош». Автобус тормозит, и пассажиры с фотоаппаратами и видеокамерами рассредотачиваются на горке. Там, внизу, производственные корпуса, высокие трубы, спешащий поезд с рудой, транспортёр, по которому после грубого помола дроблёная руда перемахивает через автотрассу и въезжает эдак этаж на пятый заводского здания. В общем, мы, участники медиатура, наблюдаем вдохновляющий индустриальный пейзаж. Про дальние трубы с чёрным дымом начальник отдела охраны окружающей среды комбината Александр Филимонов предупреждает: «Эти – не наши».
Про «свои» выбросы в атмосферу разговор впереди, не случайно едем на медеплавильный завод. Разглядывая его с расстояния, восхищаемся масштабами, и расспрашиваем про иные трубы — те, по которым поступает вода на производство, и те, по которым хвосты (отходы переработки руд цветных металлов) уплывают в хвостохранилище.

И вот что узнаем. Ахангаранская долина небогата на речные стоки. К лету многие русла высыхают. Использование карьерной водицы вместо речной – прогресс. Основной забор воды, как и прежде, производится из подземных горизонтов. Ее можно поберечь? Берегут, используя многократно. Та, что попала вместе с пульпой в хвостохранилище, откачивается и по двум трубам, каждая из которых диаметром больше метра, возвращается на производство. Потерь практически нет. Если раньше в хвостохранилище наблюдалась сильная фильтрация, то после заиления дна она прекратилась. Этот естественный экологический эффект важен и для комбината, и для соседних посёлков, которые подтапливало.
Мы спешим, чтобы уложиться в программу, и обгоняем вереницу машин у проходной. Слышим: «Приехали за товаром», а заодно расширяем кругозор, узнавая: «Продукция комбината экспортируется в восемнадцать стран». Востребована там и медь. Первая партия черновой меди получена на комбинате в 1963-м. Сейчас производится катодная медь в объёме свыше 140 тысяч тонн в год, а участвуют в процессе два плавильных

агрегата-печи медеплавильного завода. Одна плавит руду с Кальмакыра, другая с Сары-Чеку. Мимо него мы как раз и проезжаем. Длина корпуса – в километр.
Входим в один из цехов. Тут шумно, крутятся мельницы-барабаны, а наши ноги наступают на решётку, под которой булькает, как уверяют, если не шутят, медь. Производственный процесс абсолютно непонятен. Впрочем, мы здесь совсем не для того, чтобы его понимать, а чтобы составить представление. Где находится печь отражательной плавки, тоже понятия не имеем. Главное, она обеспечивает нужную для плавки меди тысячу градусов.
Эта отражательная печь все время на слуху и упоминается в разных контекстах. Она создает массу проблем не только предприятию, но и городу, выбрасывая в атмосферу вместе с попутными газами в огромных количествах сернистый ангидрид. Из-за него и экологические платежи за загрязнение атмосферного воздуха высокие, и здоровье горожан страдает. В пример нам приводят печь кислородно-факельной плавки. Выбросы этой печи улавливаются, и получается из них продукт – серная кислота.
«Что же не поставили вторую такую печь?!» – спрашиваем. А нам отвечают, что в 60-х годах прошлого века, когда строился медеплавильный завод, были известны достоинства и недостатки каждой. Печь кислородно-факельной плавки на сто процентов выигрывает в охране окружающей среды и на столько же проигрывает перед отражательной печью в возможностях переплавки вторичного медьсодержащего сырья.
С развитием науки и техники в цветной металлургии появилось технологическое решение — плавильный агрегат, объединяющий в себе положительные качества той и другой. Проект был подготовлен. Однако из-за разрыва хозяйственных связей, связанных с распадом Союза, реализовать планы не удалось. Полумерой стал ввод в 2003-м нового кислородного блока, позволившего перераспределить часть сырья с отражательной печи на печь кислородно-факельной плавки и таким образом сократить выбросы сернистого ангидрида в атмосферу.
Строительство нового плавильного агрегата и сернокислотного цеха включалось в «Программы действий по охране окружающей среде Республики Узбекистан», утверждаемых Кабмином, и снова откладывалось. Но теперь-то уж точно они будут построены. Не только «сидят» в Программе действий, эти важные с точки зрения охраны окружающей среды объекты включены в адресный список Минфина.
Ускорение придали постановления Президента страны. Уже начата реализация программы из пятнадцати инвестиционных проектов. Вкладывают средства и инвесторы, и государство, и сам комбинат. В течение двух лет будут возведены сернокислотный цех и новая печь. Тогда выбросы сернистого ангидрида сократятся с нынешних 90 тысяч тонн в год до 5-6 тысяч.

Пенка на цинке

«Отойдите от жидкого цинка. Он брызгается», – просят чересчур активных журналистов на цинковом заводе. Но куда там! Пока горячие брызги ни в кого не попали, одежду не прожгли, остановиться трудно. Хочется поскорей поймать редкостные кадры в фото-видеокамеры. Уж очень интересен процесс. Может быть, он не столь зрелищен, как на медеплавильном заводе. Там только что мы наблюдали, как огненный металл наполнял двухметровые ковши, как раскалённая жижа выдыхала пар. Там почему-то вспомнилась сказка про царя, решившего искупаться в кипятке. Там ковш – что котел, глаз не оторвать от его сдержанной энергии и горячего окраса.

Цех, где разливается в формы цинк, тоже с порога поразил. Большая часть пространства занята готовой продукцией. «Пачки», связанные стальной лентой, размещены одна к одной на полу. Каждая «пачка» из нескольких чушек весит больше тонны, а по габаритам сравнима со скромной базарной сумкой. Солнце заглядывает в цех, и чушковое поле сверкает и серебрится. А процесс розлива цинка продолжается.

Если подойти к агрегату с тыла, то видишь в «окошке» шевелящуюся серебристую массу. Она тоже брызгается. Время от времени её втягивает пара хоботков. Чтобы узнать, что происходит затем, идем в обход агрегата к розливу металла по формам. Тут и толпится наша многочисленная группа репортеров, забираясь к конвейеру по лесенке. Рабочий снимает пенку с одной формы, второй, третьей. Ему некогда отвлекаться на журналистов. «Отойдите от жидкого цинка. Он брызгается», – напоминают наши сопровождающие и подсмеиваются: «Первый раз, что ли, на производстве?» На таком – первый. Цинковое – безотходное, с замкнутым циклом, со стопроцентной утилизацией сернистого газа. Руда привозится за триста километров с месторождения Уч-Кулач, а с этого года цинковый концентрат поступает с нового рудника Хандиза, что в Сурхандарье за тысячу с лишним километров. Готовая продукция – не только цинк, но и кадмий. Мы смотрим, как идет погрузка в огромную фуру. Фура практически пустая, а сколько тонн в неё уже загрузили!

Куда пойдут инвестиции

Зеленые газоны и фонтаны на промплощадках, кажется, удивляют больше местных, чем приезжих. Они раз за разом обращают наше внимание на газоны. «Что здесь было раньше?» Еще года три назад что только не складировалось рядом с цехами.
Относится наведение порядка на территории к вопросам охраны окружающей среды? Еще как. Вырастут саженцы – будут поглощать углекислый газ. Фонтаны создают благоприятный микроклимат. Эти проекты – важные для комбината, но не самые главные. Ежегодно он затрачивает до трех миллиардов сумов на меры по защите атмосферного воздуха, столько же – на охрану земельных ресурсов, более трех миллиардов – на защиту водных ресурсов.
А самые-самые важные и долгожданные проекты, с которыми в одиночку не справится, – те, что вошли в Программу модернизации, технического и технологического перевооружения производства ОАО «Алмалыкский ГМК» на 2012-2015 годы и в инвестиционную программу. В общей сложности полтора десятка проектов «тянут» на сотни миллионов долларов.

Мы о них уже не раз слышали, а главный инженер комбината Сергей Дабижа в интервью поясняет, что даст комбинату реализация. Высокий природоохранный эффект, помимо строительства плавильной печи и сернокислотного цеха, будет иметь переработка забалансовых руд «Кальмакыра». Строительство свинцового завода также принесёт не только экономические, но и экологические выгоды. Он будет ежегодно перерабатывать пятнадцать тысяч тонн свинецсодержащих техногенных образований, образующихся при производстве меди и цинка.
Ну вот и уезжаем. Жаль, не встретились с генеральным директором ОАО «Алмалыкский АГМК» Александром Фармановым. Многие экологические и экономические идеи – его. Через три-четыре года прибавится рабочих мест. И сейчас их немало – 27 тысяч рабочих и специалистов трудятся на предприятиях АГМК. А станет их заметно больше с началом производства оборудования для горно-шахтных работ, медных труб различных диаметров, смесителей для санитарно-технических изделий, запорной арматуры и комплектующих изделий, силовых кабелей… Проекты серьезные. Хорошо бы снова приехать на комбинат, узнать, как реализуются.

Наталия ШУЛЕПИНА
sreda.uz, 4.10.2012г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

04.10.2012